

АЛЕКСЕЙ ВУЛЬФОВ

“КАКАЯ ЖИЗНЬ ОТЛИКОВАЛА...”

Из письма к современнику

Это действительно отрывок из письма, написанного в деревне Асташево под Костромой, где автор жил летом и осенью, одному московскому коллеге. В переписке обсуждались жизнь и творчество великого русского композитора Г. В. Свиридова, с которым автор письма и его адресат, оба музыканты, были хорошо знакомы. Тем не менее, письмо стихийно развилось далеко в сторону превышения сугубо музыковедческих масштабов, коснувшись трагической темы русской деревни, которая, как видно по настроению автора письма, глубоко его волнует.

Я из церкви домой иду со службы, или еду в Лыщёво на велосипеде к тете Нине за козьим молоком, или гуляю с собаками, с головой тону в травах, просторах и небесах, по сторонам гляжу – не нарадуюсь, и благодарю Бога всякий час, что я здесь. Но последнее время не о птичках, ягодках и облачках высказаться тянет на бумаге. Гляжу в даль нашей низины у леса вдоль долгого косогора и выцветшего к середине августа одичалого поля под ласковым или суровым небом “без конца и без края”, в ясную погоду различаю далеко вдаль в утреннем свете белые коробочки фермы в Чернопенье, – но не в умиление прихожу, а в замирание. Слышится оттуда, из некоей временной глубины, как бы из-под земли самый тянущийся каким-то суровым хором немолчный гул и стон, словно от боли, от незаживающего громадного синяка. Какой-то скорбящий вздох о том, что тут “было-померло”, о пролетевших над землёю этой да до конца так и не канувших бедах... Или голос это неслышимый каких-то усопших, но вечно живых клиросов, треск незримых, но негаснущих венчальных и поминальных свечей... Или тянут там какую-то несмолкаемую песенную жалобу девушки и бабы в ситцевых платках в горошек, улегшись щекой на кулаки... *И пенья нет, но ясно слышу я незримых певчих пенья хорвое...* Говорящие глаза глядят оттуда, из необычайного пространства, как с картин Честнякова... Усталым неутолимым вздохом отзовется эта даль всем дыханием своим, мешая умилению и восторгу, которых истинно заслуживают самые прекрасные на свете здешние земля и небеса. Всё это,

*Овеянное сказками и быльёю
Прошедших здесь крестьянских поколений...*

Все больше и больше убеждаюсь, что нашей земле ближе не славильщики и воздыхатели, а печальники... Не сиюминутное скоропреходящее возбужденное чувство, которое вскоре столь же легковесно, безо всякой ответственности будет забыто или заменено противоположно другим с полной переменой настроений и поступков (что так типично было всегда для многих представителей интеллигенции), а вечная тихая молитва и долгий труд.

...Вы подняли такой важный вопрос в своем письме в связи с обсуждением произведений Георгия Васильевича¹! Я не могу на это не откликнуться, тем более находясь в деревне. Недавно подарили мне одну потрясающе интересную краеведческую книжку, которую нигде не найдешь, что самое ценное – местную, костромскую, без столичной балды, и многому очень я нашел в ней и подтверждение, и уразумение. Быть может, что-то Вам пригодится для размышлений на нашу тему, если нет – простите за длинное и, может быть, слишком уж подробно-официальное письмо. Итак.

В истории гибели России одно из важнейших мест занимают, на мой взгляд, две основные составляющие:

1. уничтожение исконного крестьянского хозяйствования и уклада;
2. искусственное обезжизнивание территории, глобальный экологический ущерб (объявление “неперспективных территорий”; затопление водохранилищами; уничтожение лесов; промышленные стоки; загрязнение и забораживание рек и озер; мелиорация; авиахимработы 1970–80-х гг. и мн. др.).

Безусловно, физическое уничтожение крестьянства (как и всего народа в целом) имело место. Ни один класс не пострадал в России столь жестоко и безнадежно, сколь крестьянство.

Если проследить советскую историю Нечерноземья, то поражает та феноменальная живучесть, воистину христианское смирение и терпение, которые выказывало крестьянство.

Что удалось мне выудить для себя неожиданного в костромской краеведческой книжке²? Это не сами “головокружения” и раскулачивания, а то, как мужественно и споро во все времена восстанавливали крестьяне свое порушенное кем-то сверху дело – как муравьи восстанавливают порушенный муравейник. И как тупо и безжалостно, по-уродски торопливо очередные идиоты от власти это всё вновь и вновь уничтожали (и уничтожают донныне).

Да, “головокружение от успехов”, кошмарная коллективизация 1929 года – первый удар топором в хребет России. Однако к концу 1930-х гг. положение с сельским хозяйством всё же стабилизировалось. Если бы этого не произошло, в войну умерли бы все с голоду – и армия, и тыл. База колхозов к 1941 г. стала довольно сильной. Хлеб еще экспортировался, а не наоборот. Хозяйствовать механизированным способом научились; урожайность выросла во много раз; зерно и овощи хранить и перевозить научились. Пьянь, шпана и выскочки – первые председатели колхозов из “бедноты” – либо спились, либо попали на “стройки социализма”; на их место пришли люди хотя и без “кулацкой” (читай – коренной, базисной) культуры сельхозпроизводства, но все-таки нередко со светлыми головами, ответственные, сильные натуры (что вообще свойственно тому периоду всеобщей военизации). Это были настоящие *народные люди*. Власть если не поумнела, то, по крайней мере, поняла, что нужны реально-действенные, профессиональные, а не только политические решения. Численность сельского населения *росла*, а не падала. Традиции многодетности, да во многом и патриархальности еще были очень сильны, генетический запас нации почти не растрочен (численные потери и миграции в крестьянстве 1920–30-х гг., конечно, чудовищны, но запас старинной генетической закваски был покуда еще тоже очень велик). Поднялась и общая грамотность, и культура производства, что сказалось на качестве и объемах обработки земли, урожайности. Понятно, что всё держалось на “крепостном праве” – трудовне и паспортах в сельсовете, но всё-таки деревня к 1941 г. весьма окрепла.

¹ В письме на имя автора было написано: “Свиридов – из крестьян, и этим многое объясняется и в его жизни, во взглядах на жизнь, и в его творчестве. Свиридов был одним из тех проницательных художников, кто в своем искусстве не только показал русского крестьянина на крутом сломе истории, но одним из первых, кто почувствовал, что этому самому крестьянину наступает полный карачун”.

² Все статистические сведения в данном материале приводятся по книге: Костромской район: вехи истории. Кострома, администрация Костромского района, 2003 г.

По Костромскому району: в 1928 г. была пущена местная Шунгенская электростанция, электричеством пользовались 2185 дворов, 41 селение. Просвещение: 11 изб-читален, 2 клуба, 6 киноустановок. В 1930 году были поставлены задачи строительства дорог, телефонизации, создания МТС, укрепления кормовой базы. Рост стада: 1934 г. – крупный рогатый скот – 14114 голов, свиньи – 2125, овцы – 8340. 1937 г. – соответственно 16066, 6094, 20861. Надои: 1934 г. – 21,97 ц, 1938 г. – 42,12 ц. Урожайность: 1936 г. – яровые зерновые – 8,5 ц, картофель – 95 ц, лен – 3,3 ц. В 1938 г. – соответственно 15 ц, 185 ц, 4 ц. Лесхоз (только Костромского района!) в 1936 г. имел 10 га рассадников, в 1938 г. было запланировано рассадить 40 миллионов га леса (!). (Нынешнему губернатору Костромской области в 2008 г. пришлось запретить всякую рубку леса в области во избежание глобальной экологической катастрофы. Разумеется, это не помогло, лес всячески рубят, хотя я с вертолета видел – немного есть еще покуда). В 1938 г. был организован ягодный питомник, продано в 1938 г. малины – 290 тыс. штук, яблонь – 2400 шт., земляники – 800 тыс. шт. Огромное место в экономике района занимал лен: из 208 колхозов 108 было льноводческих. 12% посевных площадей отводилось под лен. Основная ориентация – на мясомолочное производство, травосеяние, овощеводство.

В 1935–36 гг. в районе обучались 6848 детей, в 1939–40-х – 9347. В школах района перед войной работали 274 учителя, было 3 детских сада, 138 сезонных детских площадок. (Простите меня, что столько цифр – неожиданно для самого себя! – привел, не любят у нас на Руси краеведения, раздражаются от цифр и фактов, вместо того чтобы учиться на них – но к чему такой разговор без цифр?).

Была создана в целом трудоспособная система – большое количество колхозов без административного укрупнения и централизации управления; то есть были созданы целостные не только большие, но и (в основном!) *маленькие* крепкие хозяйства, в которых все знают друг друга, а также землю, которую обрабатывают. Таких хозяйств было множество, их наличие к тому же обеспечивало регулярное хозяйственное освоение ныне глухих, а тогда очень бойких территорий; шло, таким образом, активное пополнение генофонда нации.

Параллельно с истинно крестьянским укладом жизни благодаря сельским школам¹ шло всеобщее образование народа (у нас здесь до 1970-х гг. были средние школы в Кузьминке, “на посёлке” в Сухоногово, в Гомонихе и в Чернопенье – весь этот регион занимает по диаметру 8 км).

Благодаря этому всеобщему школьному образованию, которое, что ни говори, является несомненной заслугой советской власти, стало возможным феноменальное явление в нашей литературе – рождение плеяды писателей-“деревенщиков”, читай – русских писателей: Абрамова, Распутина, Астафьева, Солоухина, Носова, Шукшина, поэта Николая Рубцова, обогативших своим самобытным творчеством словесность, саму русскую речь, как это всегда бывало с людьми, незаурядно одаренными. Писателей, бывших на протяжении целых десятилетий чуть не единственным голосом совести. Все они родились, возмужали и начали творить еще в крестьянскую пору.

До прихода к власти Н. С. Хрущева обычный колхоз состоял здесь из четырех-пяти деревень. Контора колхоза – изба председателя. Бюрократия – почти ноль. Уже до войны во многих местах района всё было электрифицировано и телефонировано (все-таки район центра области).

Как и при царе Алексее Михайловиче, и позже, вплоть до 1970-х гг. – вся территория Нечерноземной России, включая и Костромской район, была хозяйственно освоена; понятие “глушь” было практически к ней неприменимо (парадокс, но факт). Труд колхозников перед войной носил тяжелый и изну-

¹ Тем самым, которые сегодня так активно норовит “укрупнить”, читай – уничтожить – нынешняя центральная, так сказать, московская власть с ее сугубо дачно-городским подходом к проблемам деревни VIP-персон, ориентированных на “мировые” и, конечно, “неизбежные для России” ценности – исключительно материальные. Сегодня, как мы знаем из официальной периодики, власть объявляет войну сельским школам, продолжает активный процесс их закрытия и укрупнения и тем наносит последний и сокрушительный удар по остаткам деревенского мира в России – это тема для отдельного разговора-плача.

рительный, неблагодарный, униженный, но системный, налаженный характер. К тому же на селе также развивалась, как теперь ее называют, “социалка” – клубы при правлении, библиотека, школы, фельдшерские пункты, радиоизбы, то есть то, что нужно для нормальной активной жизни людей. Как и везде, очень многое зависело от председателя колхоза, его личности, характера, способностей.

Крестьяне в силу своей занятости в течение 18 часов в сутки (а не 8-ми, как рабочие) были к тому же и менее “политически подкованной” – читай, более по-человечески нормальной средой, далеко не столь развращенной, как горожане. Верования, обряды, песни, старинные сказания – все это перед войной на селе еще было совершенно живым и активно востребованным, хотя, конечно, уже не так масштабно, как в прежние времена. (Выдающийся фольклорист-современник В. М. Щуров и теперь еще записывает в экспедициях “дикие” крестьянские песни!) Появились и новые жанры крестьянского фольклора – советская частушка, например, да и советская массовая песня классиков этого жанра, которая быстро становилась благодаря кинематографу и радио песней народной, была по своей мелодичности сродни коренному фольклору (достаточно вспомнить выдающихся композиторов-песенников: братьев Покрасс, братьев Александровых, И. Дунаевского, В. Соловьева-Седого, А. Новикова, Н. Богословского, М. Блантера, Т. Хренникова, а впоследствии А. Лепина, А. Пахмутову и др.).

*И слышен смех
В тени под ветками,
И песни русские слышны,
Все чаще новые — советские,
Все реже — грустной старины...*

Как тут опять не вспомнить замечательную поэзию Николая Рубцова? Я ее, наверное, еще не раз вспомню в письме:

*Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!*

*И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...*

К 1941 г. возникли реальные предпосылки не только сохранения крестьянства как полноценного и численно преобладающего класса, что для России исторически естественно¹, но и полного сельхозблагоденствия (увы, его увидели только жители крупнейших городов, и только перед самой войной; продмаги Москвы утром 22 июня 1941 г. представляли собой неслыханное по разнообразию и качеству продуктов изобилие). Село перед войной жило тяжело, но не голодно. Ему в большом объеме помогли механизация, тракторизация, переход на передовые культуры земледелия и животноводства, создание первых тепличных хозяйств, электри- и радиофикация. Активно трудились малые хозяйства, дававшие очень большие результаты в силу нерастратченного их труженниками трудового навыка и опыта земли. Но началась война...

В войну голод на селе был не от того, что есть было нечего, а от того, что всё без остатка у села отбирали, включая деньги, заработанные колхозниками. Известны все эти грабительские займы, сельхозналоги и проч. Драли шкуру. Однако фронт крестьяне прокормили – на нем не было голодно никогда, за исключением наших многочисленных окруженных группировок

¹ По данным переписи 1897 года, численность крестьянства составляла 84,1% от всего населения европейской России и 77,1% по империи в целом; при этом Петербург в указанном году был заселен крестьянами на 58,9% (!), Москва – на 63,7% (!). Данные приводятся по книге: Рябов Ю. А. Богохранимая страна наша Российская. СПб.: САТИС, 2004, с. 127–128.

в “котлах” и действующей армии на московских и западных рубежах в лютые 1941/1942 гг¹.

Да, в войну у крестьянина отбирали буквально всё. Тем не менее, труженники нашего Костромского района дали по госзаймам 32 млн рублей, на танковую колонну сдали более 5 млн рублей, на фронт отправили более 20000 посылок “и множество теплых вещей”. Все это в подавляющем большинстве поставляли женщины – сестры, жены, матери бойцов и старухи. Я поставил бы гигантский памятник русской деревенской женщине (жаль, Клыкова в живых нет!), матери шести-девяти детей, на которую в войну легло бремя немислимое². Муж на фронте, дети старше 13 лет – на работах, нередко за сотни километров от дома (отправляли на работы без всякой оглядки). Благодаря этим женщинам Гитлера побили. Прокормили фронт и страну многодетные бабы, дети, инвалиды и старики на таких землях, где всего вырастает раза в три меньше и слабее, чем под Курском или Воронежем. И никто – никто! – не полагал это подвигом. Поразительная скромность и совестливость народная! Мужиков с войны не возвратилось, по нашей местной статистике, примерно треть, из возвратившихся половина – с тяжелыми ранениями и инвалиды (впрочем, если сопоставить это с уменьшившимся на треть населением Костромской области в период 1989–2000 гг., по демографической части всё было тогда не так уж и ужасно; воистину всё познается в сравнении!). В голод 1946 г. многие из вернувшихся фронтовиков, как рассказывают тут у нас старики, умерли от истощения, попав на лебеду и крапиву после полкового мясного борща, американских тушенок и яичного порошка. Однако они вернулись к живым, действующим хозяйствам, к обитаемым многодетным деревням независимо от их территориального расположения. Отдавали государству натуральный оброк, работая на барщине социализма. В ходу были активные денежные поборы (это с колхозников-то!), но брали и натурой. Наш дядя Ардоля³ (тогда школьник) объезжал вечером с молочной бочкой дворы, где в каждом была корова, наполнял бочку доверху молоком (с четырех-то деревень) и вёз “сдавать государству”. Понятно, что за это молоко крестьянам никто не платил, как ничего не получали они ни за какие советские барщины и оброки. Зарплата насчитывалась не деньгами, а трудоднями – то есть почти ничем.

Костромской краевед Т. М. Карпова пишет: “В военное и послевоенное время из колхозов забирали всё. Не только колхозную продукцию, но и почти всё, что производилось в частном хозяйстве (курсив мой. – А. В.). Денег деревня практически не видела. На заработанные трудодни выдавали от 200 до 400 г сырого зерна, 400 г картофеля. А колхозники должны были платить военный налог – 1800 рублей, и должны были сдать государству помимо этого 40 кг мяса, 300 л молока, 150 шт. яиц, 400 г шерсти”.

К тому же после войны встала задача кормить “за идею”, “в рамках СЭВ” кучу разномастных зарубежных союзников всякого толка, а еще и самую многочисленную в мире армию. Тушенку бывшего секретного армейского запаса доели только недавно (вот одна соевая в магазинах и осталась). Но ведь кто-то эту тушенку и всё это содержимое “спецпайков” и “продовольственных заказов” производил!

Система малых и при этом практически самостоятельных хозяйств (по сути – замаскированно фермерская, хотя земля формально не была передана в собственность) полностью оправдывала себя по всем позициям. К тому же она и демографически хранила село и, как результат – Россию, ее генофонд. Она обеспечивала равномерное и повсеместное освоение территории страны.

*Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок...*

¹ И ведь в войну кормили и прокормили страну одни лишь Нечерноземье и Сибирь! Главные житницы – Орел, Курск, Белгород, Украина, Краснодарский и Ставропольский края были под немцем до 1943–44 г.

² Пахали на себе не потому, что трактора стояли, а потому, что все трактора и топливо были взяты на фронт. В Костромском районе пахали на себе так: шесть женщин тянут плуг, 9–12 детей, в зависимости от возраста, наваливаются на него. Пахали еще и так называемыми косулями, как в доисторические времена.

³ Имя у него такое – Ардолион. У нас еще тут есть велосипедный мастер, тоже в летах, так его зовут Иоиль, в просторечии Иоля – что в переводе с древнееврейского языка означает не что-нибудь, а – Господь есть Бог!

Данные по сельсовету Пустынь нашего Костромского района в 1945 году. Население: Пустынь – 400 человек, Колгора – 500, Шода – 300, Ямково – 600, Бугры – 250. Пашни: Пустынь – 110 га, Колгора – 140, Шода – 90, Ямково – 120, Бугры – 80. Скот (всего голов телят, свиней, овец, кур, лошадей): Пустынь – 1050, Колгора – 2780, Шода – 2080, Ямково – 2625, Бугры – 1400.

Сдавали государству в год по сельсовету Пустынь 260 т мяса, 2200 т молока, 140 тыс. шт. яиц, 1400 кг шерсти, 165 т хлеба, 235 т картофеля.

Все эти колхозы, наступи нормальный, а не ельцинский неокapитализм, скорее всего, превратились бы в фермерские хозяйства, а Россия благодаря этому могла бы в мясо-молочной и овощной отраслях стать Данией или Швейцарией.

Но вместо такого-то блаженства и тут настал “карачун” – раздался второй удар топором в хребет страны. Это – хрущевское укрупнение хозяйств.

Произошла глобальная централизация хозяйств с их укрупнением и, как следствие – безвластие и впервые наступившая откровенная бесхозяйственность. Кроме того, стране был нанесен первый мощный демографический удар: началось формирование пресловутых “неперспективных территорий” – тогда еще только лишь формирование, впоследствии переросшее в национальное самоуничтожение. Кукуруза, квадратно-гнездовой метод – эти “комиксы” мы хорошо знаем. А тут еще Целина нагрязнула, все средства и кадры (в основном молодежь!) – туда. “Кремлевские мечтатели” старались вовсю. Опять замахрел и зацвел, как буйный дурноцвет, политический подход к решению сугубо профессиональных – хозяйственных и экономических – проблем. На этот раз диагноз был иным – борьба с “индивидуализмом и перекрестками частнособственнических интересов” (термины той поры).

К тому же территория Нечерноземья активно затоплялась; единственный довоенный водный монстр – Рыбинское водохранилище – пополнился многими новыми “рукотворными морями”, как, например, наше Костромское (1956 г., начало выселения жителей – 1948 г.); его особенность в том, что оно, как выяснилось сегодня, было не нужно вообще. То есть если Рыбинское, Угличское и Горьковское способствовали хотя бы стабилизации волжских фарватеров и сбору воды для питания Москвы и Канала, то наше Костромское, как выяснилось позже, не имеет смысла *никакого*. Много деревень в процессе подготовки к затоплению было уничтожено (переселено и разобрано). Власть после войны при строительстве “рукотворных морей” проявляла немыслимую щедрость и лояльность, транжиря гигантские средства. Например, отец одной нашей бабушки, когда узнал, что будут затоплять (она переселенка вместе со всей семьей из затопленной деревни Вежи), пошел в сельсовет и попросил 20000 рублей на новую избу (чудовищные деньги для крестьянина того времени). И ему их дали! Соседу, который сугубо по-крестьянски наматал это на ус и губу имел не дуру, дали по его запросу 23000 рублей. И так многим (у нас вообще полдеревни – переселенцы... с собственной русской земли, в мирное время). А вот сводка уничтожения земель и жилфонда такова: в 1956 году на момент начала затопления dna Костромского водохранилища Костромской райисполком просил у облисполкома выделить на покрытие убытков от затопления 3 242 259 рублей. Надо полагать, их выделили. Остается только представить себе, сколько ценного имущества для реально еще работавших хозяйств можно было бы приобрести на эти деньги, сколько всего построить, создать, развить.

По территории и жилфонду: оказались затоплены водохранилищем (которое ныне активно зарастает травой) сёла Мисково, Жарки, Куниково, деревни Ведерки, Вежи, Овинцы, Прость, Семиново. Полностью разрушены и подготовлены к затоплению, но не затоплены (те еще грамотеи, видать, проектировали!) деревни и сёла Никольское, Новленское, Губачево, Пашутино, Митино, Скрывалово, Трохач, Дьяконово, Саково, Новоселово, Давыдово. Это только по Костромскому району – а ведь затапливали по всему ходу Волги!

Страшный ущерб земле нанесла начавшаяся вульгарная мелиорация (к тому же пожиравшая немыслимые деньги и ресурсы, столь необходимые для удовлетворения реальных потребностей села), авиационные работы, а также массовые вырубки лесов (хотя и не идущие ни в какое сравнение с нынешним апокалипсисом в этой области – ведь были и лесничества, и лесхозы, и лесопитомники, в 1940–60-х гг. вообще шло очень мощное восстановление ле-

сов). Началось быстрое запустение исконной национальной территории (тогда-то впервые и появилась в Центральной России так называемая “глушь”, о которой раньше и слыхом не слыхали со времен пятнадцатого столетия, когда сотворился “Сергиев пояс” монастырей, протянувшийся до самого Беломорья и сыгравший огромную роль, наряду с прочими, в том числе и в хозяйственном освоении территории).

Впервые в истории России начался процесс глобальной демографической деформации – массовый отток сельского населения в города, сочетавшийся с начавшимся процессом люмпенизации, деградации и вымирания русской деревни, в первую очередь – на “неперспективных землях”, то есть в коренном кормильце и поильце – в русском Нечерноземье¹, центре страны. Власть не использовала возможностей очнувшейся после первой встряски и во многом самоналадившейся колхозной системы (это произошло исключительно благодаря народному терпению, природной сметке и разуму, вообще здоровому генетическому естеству крестьян). Вместо дальнейшего эволюционного развития она прибегла к очередной глобальной суперакции в стиле известных активных персонажей Салтыкова-Щедрина (город Глухов) и Андрея Платонова (город Градов). Так или иначе, факты таковы, что в 1944 году городское население Костромской области составляло 220 тыс. человек, сельское – 664,2 тыс. человек, в 1959-м году соответственно – 366,4 и 544,8, а в 1989-м – 555,3 и 254,5²!

К тому же отмена трудодней, “демократизация” жизни в деревне, массовая продажа водки и хлеба³ и при этом падение “престижности” сельхозтруда резко усилили алкоголизм и бездуховность на селе, что было подкреплено вторым этапом воинствующего безбожия – хрущевского, не менее обвального и страшного, чем в 1930-х гг., разве что без расстрелов и лагерей⁴. У нас тут в Высоково-Троице над самой Волгой у кладбища стояла церковь (теперь и самого Высоково-Троицы нету). Одна оголтелая начальница-баба уже в 1950-е добилась, чтобы ее взорвали. Себе взяла образовавшийся камень на кирпич для печки. Да в первую ночь и взорвалась вместе с печкой от этого кирпича. Из деревенских больше оттуда ни один человек ни кирпичика не взял, так он и валялся, пока не убрали. .. Имелся случай уничтожения колокольни церкви в Костромском районе в 1962 г. при активной инициативе местной сельской учительницы, которой, правда, пришлось уговаривать власть это совершить, власть не согласилась, и тогда она наняла трактористов (!).

О том, что из всего этого произошло, часто цитируемый мною Николай Рубцов исчерпывающе пишет в 1960-х гг. в одном из писем Г. Я. Горбовскому про своё селение Никольское: “Почти исчезли и здесь классические русские люди, смотреть и слушать которых – одна радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространившееся здесь”.

Централизация и укрупнения при Н. С. Хрущеве нанесли второй страшный удар по крестьянскому укладу России. Большинство малых колхозов развалились или были укрупнены (закрты). Представляю слово костромскому краеведу из Пустыни для печального финала его вначале бодрого повествова-

¹ Традиционно сельскохозяйственный и бойкий черноземный Юг, к счастью, и сегодня во многом таков же. Но там одна черная благодатная земля, а не сероземы и суглинки, там нет болот, лесов, урочищ. К тому же там никогда не отвыкали от частного сельского хозяйствования. Смотришь – птицы-то одной домашней! Зерно, овощи, фрукты! При Ельцине сильно запустели, разорили, обезлюдели и традиционно крестьянский Черноземный край (например, Курскую область) – но это тема для отдельного разговора.

² Приводится по книге: Букенева Л. А., Белова В. В., Груздева Н. А. и др. География Костромской области. Учебное пособие для средней школы. Управление администрации Костромской области. Кострома, 1995.

³ Эти-то продовольственные товары в магазинах 1960–85-го гг. в деревне были всегда! – подлейшее спаивание и обезделивание народа, последний и сокрушительный разврат русского крестьянина – воистину “Последний кабац у заставы”, как на картине величайшего скорбящего плакальщика В. Г. Перова!

⁴ Состояние, настроение деревни начала 1960-х, сочетавшее в себе пятьдесят на пятьдесят остатки укладности, живого народного естества и при этом бурно, как теперешний борщевник, разраставшуюся бездуховность, наиболее глубоко и ярко, на мой взгляд, представлено в рассказах 1960-х гг. величайшего гуманиста советской послевоенной поры – В. М. Шукшина. Взять хотя бы рассказ “Крепкий мужик” – перечитайте!

ния: “Пустынский с/с ликвидирован в 1958 г. и объединен с Сандогорским. Колхозы, его составлявшие, присоединены к другим при укрупнении и оказались на отшибе от центральных усадеб, на удалении 20–30 км. На сегодняшний день почти все деревни бывшего Пустынского сельсовета находятся в полном запустении”.

Конец цитаты. И крестьянству русскому, и сельскому хозяйству тоже – конец...

Хозяйствование стало вестись вульгарно, без всякой культуры производства, спонтанно, с постоянным бросанием начатого – отсюда столько по нашей Нечерноземной земле стоит пустоглазых ферм, молотилок, фабрик комбикорма, зернотоков и проч. Разумеется, все это сопровождалось неременным угождением всесоюзной, областной и районной властям, а не первобытным и первоверховным кормящим силам погоды и плодородия. Внешне работы велись с размахом (давала себя знать плановая система – но отныне она все больше обещала и требовала, чем реализовывала по факту, что привело к возраставшим обманам и искажениям в экономических сводках). Впервые обозначилась проблема хранения и перевозки собранного урожая. Начались первые огромные потери сельхозпродукции из-за отсутствия должного навыка хозяйствования, которые в эпоху позднего “застоя” 1980-х приняли характер продовольственных гиперпотерь. Между столицами и областными центрами побежали, торопливо сбрасывая перевязанные коробки, мешки и возбужденных пассажиров на станциях, фантастические по степени абсурда “колбасные поезда”. Зерно начали массово ввозить в страну впервые за всю ее историю. Впрочем, все это тоже хорошо известно и перемолото, так что и на этом подробно останавливаться не хочется.

А в обреченной “глубинке” деревня к концу 1970-х г. уже почти умерла, впервые в истории России породив печальный феномен одиноких, полностью от обыденной жизни оторванных доживающих бабушек, до этого спасших во многих местах верование и даже сами храмы, каторжно отработавших в войну, родивших и порой схоронивших по несколько детей, перетерпевших пьяницу-мужа и сыновей-хулиганье, а теперь самим своим отрешенным, но свяטствующим присутствием хранящих само усыпавшее естество России.

Не забудем и доброе: медленно, но шло строительство асфальтовых дорог, в том числе между фермами и хранилищами, в новых домах устраивались канализация, удобства, шла массовая электрификация, полив полей, строились теплицы, отопляемые фермы, проводилось местное централизованное водоснабжение – у нас, например, колонки в деревнях устроили в 1971–1991 гг., на колонках эти даты написаны, хорошо – успели до Ельцина. К тому же тогда создавалась мощная машинно-тракторная база села (еще всю работу заводы “Беларусь”, ХТЗ, МТЗ, ЧТЗ и проч., помню еще по детству под Белозерском, в Антушево, как поступали в колхоз новые тракторы, которые заводились не от шнура или длинной тряпки, а от ключа, как автомобиль – диковина была!); строились общеобразовательные школы (теперь у нас осталась одна вместо трех существовавших ранее – в Сухоногово, или, как местные говорят, “на поселке”, заново выстроенном в 1985 г.). Формирование крупных благоустроенных социально-производственных ячеек сельхозпроизводства со сравнительно высокой производительностью труда благодаря новым аграрным технологиям, соответствующим данной почвенно-климатической зоне, повышение культуры животноводства и параллельный государственному плавно растущий частный и кооперативный бизнес – вот что могло бы даже в почти уже безнадежных 1970–80-х спасти село – и, следовательно, Россию. Например, наше относительно благоустроенное (конечно, с большими издержками, но всё же факт) Сухоногово благодаря такому подходу худо-бедно выдержало все ужасы ельцинизма и до сих пор что-то производит – хотя, конечно, убого по объемам в сравнении с 1980-ми и даже 1990-ми годами. К тому же во второй половине 80-х была сделана забытая ныне попытка стабилизации сельского хозяйства, насытившая Россию продовольствием и спасшая ее от тотального голода – кооперация. Эта мера вполне помогла бы продлить некоторое время все лучшее, что содержал в себе социалистический строй. Из нее могли бы вновь произрасти, как ветви вокруг основного корня, крепкие, опять-таки небольшие, “местные”,

но высокооснащенные, материально полноценные хозяйства, состоящие из реально заинтересованных тружеников и, следовательно, имеющие высокую трудоспособность и эффективность производства. Кооперация вполне могла бы даже и на “неперспективных” территориях дальше длиться и тогда еще понемногу длившуюся, хотя и в людях всё более преклонного возраста, крестьянскую укладность. При такой системе и при исторической живучести нашего народа к сегодняшнему дню, возможно, удалось бы решить пресловутую продовольственную проблему¹ — и, как результат, во всяком случае уж точно сохранить преобладание в продаже отечественных натуральных продуктов, а не эмульгаторов, ароматизаторов и прочих стимуляторов и вибраторов вместо нормальной пищи.

Важно отметить, что вплоть до 1990-х гг. в области продолжался рост числа средних школ: со 151 в 1980/81 уч. г. до 185 в 1993/94 уч. г. с ростом числа учащихся с 88380 до 107249 и учителей с 6638 до 10046 соответственно. Правда, общее число дневных общеобразовательных школ уменьшилось в этот период с 607 до 559 за счет сокращения числа начальных и неполных средних — читай, в основном деревенских школ².

Но пресловутый топор никто не думал прятать в подвал. (Почему?!) Третий (и думаю — последний) удар в хребет России нанёс ельцинизм. Ему больше подходит емкое матерное слово, которое начинается с буквы “п”, кончается буквой “ц”, а в слове этом, милостивые государи, ровно шесть букв (как написано у Гоголя в “Иване Ивановиче с Иваном Никифоровичем” про повестовый суд — “в нем, милостивые государи, восемь окошек”). Разговор об этой эпохе заведомо бессмыслен и неприятен, и незачем вести его, всё в свежей памяти.

Наш Костромской район — центральный, “блатной”, на Волге, на трассе Москва—Сибирь, от столицы сравнительно недалеко — по нему социальную ситуацию в области определять нельзя ни в коем случае (туда-сюда мимо нас в фешенебельную VIP-рекреацию для утех и наслаждений столичного размаха, недавно сооруженную в лесу у Лунева под названием “Романов лес” — непременно Романов, какой же еще! — гоняют “кадиллаки” с костромскими номерами — я таких и в Москве не выдвигал). А вы заберитесь, милые, “в область”, в застывшую глубину, на Восток вдоль Транссиба, на Север, за сотни верст от Костромы — в Антропово, Судай, Панкратово, в суровую дичь Заволжья, в заповедную Кологривскую недорубленную покуда тайгу, в вохомско-боговаровские края — вы встретите там эффект *нейтронной бомбы*; натуральный. Травы, заросшая пахотная земля, лес, речки, сельские крыши, скотные дворы, сараи, всё есть — людей только нет.

Мощный генетический и гуманистический запас нашего народа, сосредоточенный в первую очередь в его крестьянстве, столько раз надежно спасавший Родину в самые тяжкие и, казалось бы, безнадежные времена, воскресавший страну из мертвых, похоже, подходит к концу. Крестьянская Нечерноземная Россия стала выживающим из ума одиноким инвалидом... Смотришь в деревнях — бредут дорогами, ветхими улицами какие-то выцветшие люди-тени...

Так или иначе, всегда виновата власть — по характеру безнаказанно, а по средствам и результатам абсурдно управлявшая дивным — совестливым, простодушным, сметливым в массе своей народом. Во всяком случае, совершившая трагедия русского крестьянства в XX веке стала результатом административно-политических воздействий правящих сил, а не каких-либо естественных процессов, проистекавших из глубин самой крестьянской жизни. НЕ НАРОД БЫЛ ВИНОВАТ — уверяюсь в этом все больше и больше, тем более читая не “аналитическую” столичную, а настоящую историю в конкретных подлинниках, да притом и живую постигая костромской деревенский мир. Я те-

¹ Учитывая к тому же, что село к 1990 г. было уже очень сносно механизировано и охвачено транспортным обслуживанием, включая ныне усопшую малую авиацию, личным моторным транспортом сельчан; бензин и солярка, в сравнении с современностью, стоили дешево и лились рекой. Всюду в крупных селах работали детсады, школы и дома культуры, деревня вслед за мировым прогрессом помаленьку тоже цивилизовывала свой быт.

² Приводится по книге: Букенева Л. А., Белова В. В., Груздева Н. А. и др. География Костромской области. Учебное пособие для средней школы. Управление администрации Костромской области. Кострома, 1995.

перь отчасти сам стал деревенский — на клиросе пою, со мной — иной раз на велосипеде по поселку еду — уже некоторые здороваются.

Россия раньше держалась и теперь держится только самой совестью народной, глубокой врожденной порядочностью труженика, неким от Бога данным лучшему человеку из народа здравым постижением жизни, стихийным разумом, который схож с разумом самой природы и небесных сфер. Всё перенесет и перетрудит этот разум.

Диву даешься от того, с каким поразительным цинизмом творилось это злодеяние над собственным народом (власть — она тоже из народа, никуда не денешься), с каким ветхозаветным фарисейским бесчувствием, теплохладным равнодушием к крови и слезам, к боли живого существа Божьего совершались уничтожения безответных людей, уклада и земли... С каким высокомерным пренебрежением к мнению истинного труженика, идиотическим всезнайством — и с какой при этом наглой откровенностью, полускрытой издевательской усмешкой не считала власть крестьянина-кормильца за человека!

Громили крестьянина — и, таким образом, крестьянство со всем его бездонным творческим кладезем — песнями, сказами, рукотворными изделиями, поверьями, со всей красотой, которой он осознанно и неосознанно украшал каждую даже самую незначительную и обыденную часть своей жизни и быта, придавая им непреходящую красоту и смысл. А ведь именно народное творчество составляло ту бесценную и громадную часть национальной культуры (фольклор), которая была главной почвой для лучших творцов Великой Русской Художественной Культуры XIX—XX вв. — от Пушкина и Глинки до Свиридова и Рахманинова. Именно отсутствие активного стихийного народного крестьянского творчества во многом объясняет наступивший сегодня как в России, так и в мире тяжелейший кризис культуры. В. Г. Распутин в разговоре с автором этого письма однажды высказал мысль, что по этой же причине происходит и скудение профессиональной литературы, по-старому — высокой словесности: животворный процесс пополнения ее свежим народным словом, свежей народной интонацией подходит к концу ввиду отсутствия естественных источников обновления. Попросту говоря — речь истощается, язык вымирает, делается суррогатом. Нет этому языку ни почвы, ни жатвы, ни пахаря.

Потому что нет рубцовского Фили. Помните?

*Филия любит скотину,
Ест любую еду,
Филия ходит в долину,
Филия дует в дуду...*

Да мыслимо ли пережить без страшных ран даже могучему организму столько бедствий, гибельных годин? Но нет худа без добра: не за эти ли пережитые, переваренные и перемолотые бедствия Господь до сих пор еще нас терпит? Вы, как бы говорит Он, конечно, дураки редкостные, но вы ведь и натерпелись за дурь-то свою... Ох и натерпелись, как никто — и ведь живы еще, и даже тщитесь сотворять что-то там новое. Ну ладно, еще немного поживите, побудьте, так уж и быть.

Хотелось бы, чтобы так оно и было.

Слетал тут из Костромы в Юрьеvec (тот самый город А. Тарковского) на рейсовом Ми-2 (кажется, только здесь во всей Центральной России благодаря губернаторской поддержке сохранился такой вид транспортного сообщения — но это вообще отдельный разговор). Под квинтовый органный пункт ровнейше гудящих турбин и звончатое хлопанье лопастей слушал и слушал не без удовольствия размеренное однообразное разрешение ненавязчиво визжавшей доминанты в мажорную тонику полтора часа ровного, как на упругом шпагате, полета. Приземлялись по дороге в Кинешме, Красногорье, Нёжитине, прошли вдоль разлива Горьковского водохранилища над устьями Нёмды и Унжи. Сурово затаенная, битая, глухая, полуусопшая — но все еще прекрасная земля внизу, с 250-ти метров высоты по радиовысотомеру. Никогда тайну свою не утратит она, все бывшее, сущее на ней в своем говорящем мол-

чани сохранит, всем суетам вопреки. Донуны и поля попадаются, и дороги, и кой-какие автомобили в редких сельских дворах. Глядишь – где тракторишко ползет, где лесовоз пробирается. Огороды ухоженные, причесанные, рощи березовые девичьи дышат в колышавшихся косынках листвы, строго плывут еловые и сосновые боры, покуда спасающиеся от бензопилы, при них мягко катятся гладкие поляны. В селах посреди крыш на площадях иногда – храмы! Тянут маковки и пальцы колоколен к небу, к нашему Ми-2, зовут к Богу, к правде, к образумлению! Слепит с них против солнышка новенькое железо и сусальное золото. Скорбно усохшие брошенные деревни и вырубкы – немало... Ручьи какие-то на миг вспыхнут под солнечным небом, таинственно синие, как васильки или девичьи глаза с поволокою, сверкнувшие из-под челки. Громадные яркие разливы и перекааты Волги, точнее – Горьковского моря и вспухших от него устьев рек, в которых, как говорят местные, водится тут даже стерлядь, – какая красота всё это, временам всем, “формациям”, “неизбежностям” и прочим “идеям” вопреки! ОНА ВСЕ ЕЩЕ ЖИВА!

Устал писать, да и довольно уже, ночь. Тепло. Сегодня ливень прошел обильный и нешумный, безветренный, с глуховатым легким громом, лил почти все время под солнцем, радуга после него встала через всю Волгу, к вечеру настала благодатная темнота облаков. Ушел дождь за реку, на Халипино и Иконниково поплыл, в дальние дали, и долго еще с нашей горы в блаженной темноте и тишине вечера видно было, как таинственно всполыхивают в глубине его хмури какие-то обширные огненные сердца... Я счастлив, Родина!

*Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!
И все ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила.*

*Все так же весело и властно
Здесь парни ладят стремена,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те былые времена...*